

ции различных социальных рисков в политический риск // Политическое управление и публичная политика XXI века / Рос. ассоц. полит. науки ; редкол. : О. В. Гаман-Голутвина (отв. ред.) [и др.]. М., 2008. С. 55–68.

¹² Листратов К. Е. Управление политическими проектами : теория, методология, реальная политика // Вестн.

МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2007. № 6. С. 66.

¹³ См., например: Расторгуев В. Н. Культура политического планирования // Вестн. МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2005. № 4. С. 45.

¹⁴ См.: Крыштановская О. Н. Анатомия российской элиты. М., 2005. С. 63–79.

УДК 329.1

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: СООТНЕСЕНИЕ КОНЦЕПТОВ

Б. А. Жедь

Ульяновский государственный университет
E-mail: zhed88@mail.ru

В статье автор рассмотрел теоретико-методологические основания соотнесения двух важнейших концептов современной политологии – политической конкуренции и социальной стабильности, и обосновал объективную обусловленность скачкообразного характера конкурентной борьбы между основными субъектами политики постсоветской России.

Ключевые слова: теоретические концепты, политическая конкуренция, социально-политическая стабильность, динамика конкуренции, политическая элита, имитация конкуренции.

Political Competitiveness and Problem of Social Stability: Correlation of Concepts

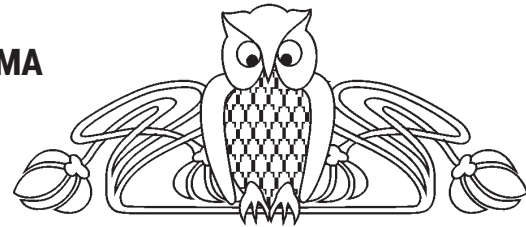
B. A. Zhed

Theoretical and methodological bases for correlation of two principal concepts of the modern political science – political competitiveness and social stability – are considered in this paper. The author substantiated the objective causality of uneven character of rival struggle between main political subjects in post-soviet Russia.

Key words: theoretical concepts, political competitiveness, social and political stability, dynamics of competitiveness, political elite, imitation of competitiveness.

Одной из важнейших проблем политической науки является проблема соответствия наших современных теоретических знаний о свойствах и смысле политической конкуренции реальному состоянию тех политических процессов, в которых эта конкуренция себя обнаруживает.

В рамках данной статьи попытаемся обосновать ряд предположений, которые в перспективе представляють определенную рабочую гипотезу нашего диссертационного исследования. Первое заключается в том, что динамика развития процесса конкуренции определяется не только объективными свойствами предмета конкуренции (его потенциальной пригодностью на роль ресурса политики), но и субъективным отношением к этому предмету (возведением его в ценность) участников конкурентного процесса, уровнем понимания

ими своего места в политике, своих интересов и возможностей. Исходя из такого предположения, можно объяснить скачкообразный, неровный характер конкурентной борьбы между субъектами российской политики (партиями, государственными структурами и оппозиционными массовыми движениями) на протяжении последних двух десятилетий, когда резкие ее обострения в связи с выборами президента и Законодательного собрания, принятием Конституции сменялись периодами апатии политических противников, отсутствием у них готовности и способности использовать для целей политической конкуренции консолидацию вокруг действующих властных структур.

Второе предположение состоит в том, что на протяжении последних двух десятилетий существенно изменился предмет конкуренции. В основе своей, естественно, он остался неизменным – обладание политической властью, но проявились существенные детали. В начале 1990-х гг. проблема власти интересовала элиты и контрэлиты, в первую очередь, как проблема средств **приобретения** контроля за имеющимися ресурсами государства и общества, как проблема средств раздела советского наследства в экономике, политике, культуре. Соответственно, напряженность политической конкуренции в России была достаточно высока. Но уже к середине 1990-х гг. на первый план вышел интерес конкурирующих политических сил к политической власти как средству **перераспределения и удержания** ранее приобретенных различными элитами и контрэлитами ресурсов. В результате напряженность политической конкуренции стала несколько спадать, но одновременно произошло перемещение наиболее активных зон конкурентной борьбы с уровня федерального политического пространства на уровень регионального. Это вызвало пресловутый «парад региональных суверенитетов» 1990-х гг., сопровождавшийся возрастанием роли имитационных действий региональных лидеров и в целом политических элит регионов.

С начала же 2000-х гг., в связи с оформлением общей ориентации внутрироссийской политики на

реализацию стратегий инновационного развития страны и ее модернизации, власть как предмет конкуренции стала интересовать противостоящие политические силы преимущественно в качестве средства **приобретения новых ресурсов** из ряда тех, что общество и государство стали вкладывать в инновационные и модернизационные программы.

Предварительный анализ ряда публикаций дает основание предположить, что эти объективные сдвиги в логике соперничества субъектов российской политики не были учтены на концептуальном уровне. Достаточно высокий общий интерес отечественных исследователей к освоению зарубежного опыта политической конкуренции помешал концентрации их внимания в политической науке на моментах изменчивости свойств самой конкурентной среды в российской политике, на динамике условий и правил осуществления конкурентных отношений ее субъектов. В реальном процессе политической конкуренции в России наука выделяла в качестве предмета своего внимания, прежде всего, те аспекты и характеристики, тенденции и противоречия, которые имели свои позитивные или негативные аналоги в зарубежной политической теории и практике, которые соответствовали или же, напротив, не соответствовали стандартам конкуренции между субъектами либерально-демократической политики. Данные проблемы рассматривались, прежде всего, через призму взаимоотношений власти и оппозиции в постсоветской России¹.

Анализ литературы показал, что отечественные специалисты акцент делают на том, что политическая конкуренция представляет собой, в первую очередь, важный индикатор состояния и общей направленности политического процесса в постсоветской России. На это, как правило, сориентирован анализ региональных электоральных процессов, процессов ротации элит и партийной жизни². Тут, действительно, напряженность и конструктивность (деструктивность) конкурентной борьбы говорит о многом в плане, например, осознания региональными элитами и региональным электоратом ближайших целей политики, доступных ресурсов политического участия и собственных интересов политического участия. Механизмы и процедуры политической конкуренции многое, более, чем что-либо другое в политике (демократической и недемократической в равной степени), говорят о специфике базовых, цивилизационных основ политической жизни данных государства и общества.

Механизмы и характер политической конкуренции воплощают в себе общую меру политичности конкретной социальной системы, то, что образно можно определить как «генетику» политического процесса в ней. Наблюдая за этой «генетикой», исследователь может со значительной степенью достоверности судить о потенциале прогресса данной системы, о вероятных рисках ее взаимодействий с другими системами. Это именно

своеобразная «генетика» политического процесса, поскольку речь идет об искренней и устойчивой уверенности его субъектов, что те способы и средства, которыми они пользуются при конкуренции со своими политическими оппонентами, являются наиболее естественными и эффективными для достижения практических результатов политики. В этих конкурентных механизмах и процедурах, как в зеркале, отражаются основные специфические свойства доминирующей политической культуры и доминирующих идентичностей субъектов политики, мера их (пользуясь выражением Ф.-В. Ницше, «воля к власти»).

Наблюдение за работой этих механизмов и состоянием этих процедур создает как раз то фактическое основание, от которого исследователи часто отталкиваются при оценке свойств политической культуры граждан, их политических идентичностей. И общая оценка исследователем конкурентного потенциала политики задает в данном случае и общий ракурс видения им самых разных реалий политической жизни. Например, Г. М. Михалева, рассматривая роль оппозиции и характер ее деятельности в современной России, делает очень широкие обобщения о том, что «современная политическая система России имеет закрытый, клановый характер, ключевые позиции в бизнесе и власти монополизированы правящей группой. Возможности влияния граждан и групп интересов на решения властей всех уровней минимизированы. Доступ к власти для них практически закрыт. Партии в свою очередь не выполняют важнейших функций, связанных с представительством интересов социальных групп, формулированием альтернативных политических курсов и обеспечением взаимодействия общества и власти»³.

Изучение литературы по данной проблематике показало, что сегодня в России, как и во многих развитых странах мира, быстрыми темпами идет формализация легитимных средств и способов политической конкуренции, сужение реальных пространств тех политических коммуникаций, в которых она могла бы быть полноценно осуществлена. Сужается спектр реально функционирующих партий и общественных движений, и сама их активность приобретает все более формальный характер, обнаруживает себя преимущественно в период избирательных кампаний⁴.

Под влиянием процессов глобализации (особенно в социокультурной и информационно-коммуникационной сферах), затрагивающих российскую политическую сферу, сужается спектр возможностей различных политических субъектов использовать для нужд политической конкуренции такой важнейший в прежние времена для демократических систем ресурс, как политическая культура электората и властных элит. Политическая культура не столько унифицируется, сколько фрагментируется⁵, распадается на однотипные структурные элементы, из которых впоследствии

могут возникать самые непредсказуемые комбинации. Такие, которые сегодня, ориентируясь на исторический опыт политико-культурного развития Европы и Северной Америки, политическая наука не в состоянии просчитать. Элиты предпочитают и публично мыслить не столько категориями национально-государственного интереса, сколько категориями «всеобщих прав человека», интересов будущего «мирового сообщества». Не публично они могут руководствоваться категориями «этничности», «землячества», «клановости», «религиозной избранности» и т. д.

Это само по себе приводит политическую конкуренцию внутри социально-политических систем в неустойчивое состояние, затрудняющее политическое прогнозирование как таковое. Неустойчивость имеет место, несмотря на активно совершенствующееся законодательство и формальные усилия государственной власти во многих демократических государствах, включая Россию, гарантировать равные конкурентные возможности для всех субъектов политики. Однако такая государственная помощь часто оборачивается на практике введением в оборот пресловутого «административного ресурса», объективно придающего политической конкуренции в демократической социально-политической системе искаженный порядок. Конкуренция становится процессом, дискредитирующим саму идею демократии и легитимирующим в массовом сознании идею «сильной власти», способной вместо «псевдоконкуренции» предложить обществу «порядок»⁶.

При этом, напротив, актуализируются всевозможные нелегитимные средства и способы ее осуществления, в том числе связанные с коррупцией. Коррупция, возможно, потому так трудно победима сегодня чисто административными средствами, что органично дополняет собой «административный ресурс»: она компенсирует естественные ограничения конкурентоспособности тех политических субъектов, которые не имеют по тем или иным причинам непосредственного доступа к использованию административного ресурса. Коррупция делает такой доступ важным, но не единственным и не всегда решающим ресурсом победы в политической конкуренции. В определенном смысле коррупция выступает в качестве механизма выравнивания конкурентных возможностей этих субъектов. Она позволяет расширить процедуры политической конкуренции за пределы границ легитимности. Иногда это расширение приобретает такие масштабы, что нелегитимные формы и способы конкуренции начинают доминировать в политическом процессе. Хотя, заметим, для отечественных политических аналитиков, насколько можно судить по тем теоретическим подходам к освещению практики политической конкуренции в России и мире, которые представлены в научных публикациях, такое состояние политического процесса крайне редко становится поводом для сомнений в способности

либеральной теоретической модели политической конкуренции адекватно и полноценно отразить изменчивые реалии современной политики и то новое, что в нее привносят сегодня глобализация и модернизационные усилия российской государственной власти⁷. Напротив, реальность российской политики чаще всего рассматривается в качестве по-своему уникального и объяснимого «исконными» свойствами российской цивилизации отклонения от той совершенной модели политической конкуренции, которая прописана в либеральных теориях⁸. У сторонников либерального понимания принципов и норм политической конкуренции появляется, таким образом, основание говорить о необходимости возврата российской политики к тем «классическим» принципам либерализма, от которых эта политика сегодня постепенно удаляется⁹.

Политическая наука, таким образом, вне зависимости от того, какие благие цели преследует сам исследователь, дает возможность политическим силам, оппозиционным ныне действующей в России государственной власти, представлять обществу приверженность либеральным идеям и ценностям в виде их борьбы за создание в нашей стране условий для «правильной и действенной» политической конкуренции. Если принять во внимание факт быстрых и не всегда до конца понятных науке изменений в течении политических процессов в России и мире, то возврат к стандартам политической конкуренции, прописанным в большинстве своем в либеральных теориях прошлого столетия, выглядит перспективой вдохновляющей, но не реализуемой на практике. Как уже было отмечено выше, власть как главный предмет конкуренции сегодня уже интересует участников политического процесса в иных ее измерениях, нежели это было пятьдесят лет, а тем более столетие назад.

Неустойчивость именно легитимных механизмов и процедур политической конкуренции, вероятно, во многом определяет то своеобразное предельное состояние амплитуды колебаний конкурентных настроений субъектов политики, которое ярко обнаруживает себя в судьбах партий власти, последовательно создававшихся в России в течение 1990–2000-х гг.

Каждый раз, когда начиналось формирование очередной такой «партии власти в элите и обществе», возникали завышенные ожидания и наблюдался резкий подъем легитимной конкурентной борьбы. Она возникала по поводу институционализировавшихся и консолидировавшихся вокруг государственного лидера структур, ресурсов, интересов, правовых регуляторов. За всплеском этой легитимной конкуренции, как реакция на не состоявшиеся надежды, следовал каждый раз столь же резкий спад интереса к конкуренции в политическом пространстве, в котором правовые и административные регуляторы обеспечивали максимальную монополизацию очередной «партией

власти» всех общественных и государственных ресурсов конкуренции. Всплеск конкурентной активности оппозиционных сил быстро сменялся их апатией, развитием имитаций их оппозиционности и политической конкурентоспособности.

В свете этого оправданным выглядит предположение, что именно симулятивный характер российской политической конкуренции, периодически проявляющийся на этапах спада политической конкуренции реальной, объективно ведет затем, на этапах новой активизации конкурентной борьбы, к радикализации массовых протестных настроений. Например, к использованию обществом для взаимодействия с государственной властью нелегитимных механизмов политической конкуренции, в том числе подпадающих под юридическое определение «экстремизм». Такого рода тенденции обнаруживались в начале и во второй половине 1990-х гг. в обострившихся межэтнических конфликтах. Обнаруживаются они и сегодня в формате протестных выступлений населения столиц и крупных городских центров.

Специфическая динамика механизмов регуляции политической конкуренции, таким образом, почти как в зеркале, отражается в сложной динамике современного российского политического процесса. В этом смысле представляется обоснованным тезис о том, что отсутствие здоровой конкуренции в политике ведет к ее радикализации и служит почвой для экстремизма. Но в такой формулировке он недостаточно содержит в себе ту информацию, опираясь на которую, можно было бы судить о качестве тех механизмов, которые должны определять и качество самой конкуренции. Дело, как представляется, не в том, чтобы была конкуренция, а в том, чтобы эта конкуренция обеспечивалась механизмами и процедурами определенного качества, и качество это совершенствовалось параллельно с прогрессивными подвижками в политическом процессе. Конкуренция, основанная на верных, но исторически устаревших принципах, может породить радикализацию политики в той же степени, что и в случае отсутствия конкуренции как таковой.

Еще одно предположение, как точка отсчета для дальнейшего исследования, состоит в том, что на качественных свойствах и динамике политической конкуренции в России, на складывании и работе ее механизмов, в первую очередь легитимных, сказывается общее состояние политических процессов в мире, как страновых, так и международных. Конкуренция имеет смысл, когда ее процесс и ее ожидаемые результаты привязаны в сознании ее участников к более-менее осознанной практической цели. В свое время такие цели обозначили классические идеологии, и именно поэтому наши сегодняшние представления о нормах и патологиях политической конкуренции так тесно привязаны к опыту политической конкуренции в политических системах мира XIX–XX столетий.

Нынешние определения целей мирового развития неопределенны. Более того, над их четким определением мало кто в современном мире заинтересован трудиться. Страны, которые, подобно России, понесли существенный экономический, политический и культурный ущерб от превращения биполярного мира в униполярный «мировой порядок», не заинтересованы в популяризации своего видения политической перспективы человечества потому, что за такой популяризацией должны следовать реальные дела и реальные ресурсные вложения в такой глобальный проект.

Те политические силы, которые сегодня господствуют в униполярном мире, в принципе не заинтересованы в том, чтобы идея будущего в массовом сознании ассоциировалась с чем-то, кроме «глобального потепления», «падения астероида Апофиз», «смены полюсов Земли», а тем более с чем-то из области политики. Иными словами, имеет место состояние того «шумового фона», на котором каждое частное проявление политической конкуренции оказывается лишенным если не смысла, то конструктивного пафоса, так необходимого политике для упрочения легитимности. Политическая конкуренция становится рутинным компонентом политического процесса, обременяющим его динамику. Это одна из ключевых, на наш взгляд, опасностей для будущего демократической политики как таковой, обнаруживающая себя в совершенно реальных очертаниях.

Примечания

- 1 См.: Власть и оппозиция : Российский политический процесс XX столетия / сост. М. Лобанов. М., 1995 ; *Дадвани Л. Я.* О попытках создания в России лево-правого блока оппозиционных сил, 1989–1996 гг. М., 1997 ; *Жуков А. А.* Левоцентристская многопартийная оппозиция в России в 1991–1997 гг. М., 1999 ; *Он же.* Формирование, развитие и деятельность российской многопартийной политической оппозиции в 1991–1997 гг. М., 1999 ; *Саенко Г. В.* Оппозиционная деятельность в России : технологии и механизмы реализации (90-е годы XX века). Рыбинск, 2006 ; и др.
- 2 См.: *Ашихмина Я. Г.* Конкуренция элит на выборах как критерий современной демократии // Политэкс. 2007. № 2. С. 245–253. URL : <http://www.politex.info/content/view/341/30/> (дата обращения: 26.02.2013) ; Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах / под ред. Ю. Г. Коргунока, Е. Ю. Мелешкиной, Г. М. Михалевой. М., 2010 ; *Скакунов Э. П.* Политическая конкуренция в России // Социс. 2000. № 5. С. 12–15 ; и др.
- 3 *Михалева Г. М.* Роль оппозиции и псевдооппозиции в партийной системе России // Политические партии и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах. С. 76.
- 4 См., например: *Пелиццо Р.* «Картельная» партийная система. О партиях всего народа. Русский журнал, 24.11.2008. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/>

- Kartel-naya-partijnaya-sistema (дата обращения: 25.02.2013).
- ⁵ См.: *Зимин В. А.* Понятие консолидированной и фрагментированной политической культуры // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 74–77.
- ⁶ См.: *Вишневецкий Б. Л.* Политическая конкуренция в России : хроника снижения // Политэкс. 2007. № 2. С. 290–298. URL: <http://www.politex.info/content/view/338/30/> (дата обращения: 26.02.2013).

- ⁷ Одним из немногих авторов, активно работающих над исследованием данной проблемы, является Ю. А. Нисневич (См.: *Нисневич Ю. А.* Роль конкуренции в обеспечении социально-политической стабильности и подавлении коррупции // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 2009. № 3. С. 6–8).
- ⁸ См., например: *Гудков Л.* Общество с ограниченной вмняемостью // Вестн. общественного мнения. 2008. № 1. С. 8–32.
- ⁹ См., например: *Европейский выбор или снова «особый путь»? / под общ. ред. И. М. Клямкина. М., 2010.*

УДК 329(470)

СУЩНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

А. С. Толкалов

Саратовский государственный университет
E-mail: aleksei.tolkalov@gmail.com

В статье речь идет об основных направлениях в понимании сущности политического имиджа, существующих в российской и зарубежной политической науке, и о присущих им особенностях.
Ключевые слова: политический имидж, сущность имиджа, политические технологии.

Content of the Political Image: Russian and Foreign Experience of Theoretic Comprehension

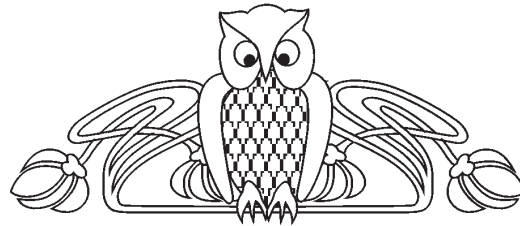
A. S. Tolkalov

The article discusses main directions in understanding of content of the political image in russian and foreign political science and their features.

Key words: political image, content of the image, political technologies.

Исследования, связанные с теоретическим осмыслением накопленного опыта в рамках различных направлений политической науки, представляются в значительной степени актуальными. Дело в том, что современное состояние политологии характеризуется огромным объемом накопленных знаний, нуждающихся в анализе и систематизации. Не является исключением и направление политической имиджологии. В рамках данной статьи мы предпримем попытку теоретического осмысления и анализа опыта, накопленного отечественными и зарубежными исследователями касательно сущности политического имиджа. Однако реализация данной задачи осложняется некоторыми особенностями исследуемого феномена.

Основная сложность заключается в междисциплинарной природе имиджа и его политической разновидности. Проблема сущности имиджа находится в поле исследовательских интересов не только политологов, но и представителей

смежных с ней дисциплин: психологии, философии, маркетинга и т.д. Следует отметить, что результаты таких исследований представляют значительную ценность и для политической науки, так как политический имидж аккумулирует в себе особенности и других разновидностей имиджа. Таким образом, для целостного осмысления сущности политического имиджа представляется целесообразным проанализировать посвященные проблематике имиджа исследования представителей смежных с политологией научных дисциплин с целью выявления их ценности для исследования имиджа политического лидера.

Несмотря на то, что имиджология является сравнительно молодым научным направлением, проблема соотношения истинного и искусственного в образе человека находит отражение в трудах мыслителей разных исторических эпох вплоть до периода античной философии.

Так, проблема сущности имиджа отчасти находит отражение в «Государстве» Платона. В этом диалоге философ приводит в пример миф, позже получивший название «Платонова пещера». Суть его заключается в следующем: люди, находящиеся в пещере, могут видеть лишь тени предметов, которые проносятся мимо нее. Таким образом, их взору открыты лишь очертания, отдаленно напоминающие настоящие вещи¹. Подобная ситуация имеет место и в случае с имиджем: большинство людей не способно разглядеть за маской имиджа реального человека. Платон противопоставлял такому восприятию окружающей действительности мировоззрение философов, которые единственные способны узреть не «идолы сознания», а чистые, неискаженные образы или идеи.

Идеи античного философа нашли сторонников и среди мыслителей последующих истори-